

H. MICHELL, Sparta, Cambridge, 1952; 315 стр.

Спарта занимала особое место и в античной историографии и в историографии античности последующих эпох. Уже в античном мире, начиная с IV в. до н. э. и вплоть до падения Западной римской империи, она была экраном политико-идеологической борьбы в историографии. Буржуазные историки и публицисты интересовались Спартой в ранний период развития капитализма (Митфорд, К. О. Мюллер, Мансо). В последние же годы со времени первой мировой войны в Западной Европе появилась большая литература по истории древней Спарты, монографии Карштедта, Парети, Эренберга, Берве, Олье, Крайлеса и рассматриваемая книга Мичелла, а также ряд специальных статей. В большинстве своем западноевропейские монографии о Спарте были проникнуты наиболее реакционными чертами буржуазного мировоззрения. Так, в начале XIX в. Митфорд искал в спартанской истории обоснований торийской идеологии; в наши дни Берве усматривает в спартацах идеальный облик империалистических властителей.

Этот особый интерес реакционной идеологии к Спарте отчасти связан с характером дошедшей до нас античной традиции о спартанской истории, представляющей собой в весьма значительной степени тщательно разработанную в позднейшей античной историографии идеализацию антидемократических сторон общественно-политического строя древнегреческого рабовладельческого общества вообще. Еще в конце V в. до н. э. идеализация Спарты и ее истории получила в Афинах название «лаконофильства». Состояние источников по истории Спарты вызвало у более прогрессивной части буржуазных историков стремление к интенсивному источниковедческому анализу: появилась обширная, главным образом немецкая, литература специальных исследований и статей: история Спарты, так же как и древнейшая история Рима, явилась объектом развития критики античных источников. Все эти работы стремились выяснить возникновение и развитие спартанского «ликургова строя», особенно вопрос о землевладении и землепользовании, как идеальной основе этого строя. Однако прийти к сколько-нибудь общезначимым решениям в основных вопросах истории Спарты буржуазной литературе не удалось. Были попытки подойти к уразумению спартанского строя, подвергая его государственно-правовому анализу, с рассмотрением отдельных институтов в плане буржуазного государствоведения. Такова книга U. K a h r s t e d t ' a «Griechisches Staatsrecht, I. Sparta und seine Symmachie». Целью этой работы было показать могучую и консервативную Спарту во всей определенности ее социально-политического строя, подчеркнуть законченность этого строя, как оплота против «разнузданной» афинской демократии. Но эта попытка Карштедта построена на бросающихся в глаза натяжках, явных искажениях сообщений источников, что делает юридические построения Карштедта в целом антиисторическими. Эти резко отрицательные черты книги Карштедта обладают вместе с тем одним положительным свойством: в этой книге были заострены основные проблемы истории Спарты, столь неопределенно обычно решаемые в буржуазной историографии.

Рецензируемая книга также стремится изобразить Спарту в виде юридически оформленной социальной и политической системы; этим она примыкает к труду Карштедта, ссылки на который многочисленны в подстрочных примечаниях. Однако данный труд представляет самостоятельный интерес и по полноте привлекаемых первоисточников и потому, что коренные, но не разрешенные проблемы спартанского строя ставятся автором порой весьма остро, хотя Мичелл и отказывается от самостоятельного исследования основных вопросов о происхождении и развитии спартанского общества и государства, выяснению которых посвящено подавляющее большинство работ о Спарте. Социальный строй Спарты трактуется автором в отрыве от общей проблемы происхождения и сущности спартанского государства; преобладает чисто антикварный подход к этим, столь жгучим для историка античности вопросам. Совершенно явно обозначается в книге тенденция к завуалированию классовых противоречий в Спарте, изображению ее в плане некоторой социальной гармонии. Все своеобразие спартанского общества и государства автор стремится осмыслить в терминах либерально-

буржуазной идеологии, о чем свидетельствуют, например, названия глав и параграфов. Таковы заглавие и подзаголовок главы V: «Спартанская конституция, сенат и генеральная ассамблея, государственная гражданская служба и правосудие» (*The Spartan Constitution, II: The Senate and General Assembly, Civil Service and Judiciary*). Действительно, словом «сенат» можно переводить греческое слово «герусия», но подобный перевод будет носить совершенно формальный характер, так как между спартанской герусией и римским сенатом ничего общего, кроме обозначения возрастного ценза и того обстоятельства, что оба учреждения принадлежали рабовладельческому обществу, нет.

Вместе с тем рассматриваемая книга представляет также весьма красноречивый пример известной модернизации и упрощенного понимания общественных и экономических отношений древней Спарты. Разбирая важнейший вопрос о системе землевладения в Спарте, автор пытается объяснить своеобразие этой системы посредством аналогий, которые он находит в земельных отношениях и в древности, в частности в Спарте, и в феодальную эпоху. Так, условия владения спартанца земельным наделом представляются Мичеллу подобными тем, которые были потом в феодальной системе, когда рыцарь на условии несения военной службы получал участок земли (стр. 205). Автор употребляет и терминологию, отличающую различные типы земельных держаний феодального времени. Так, глава VII—«Спартанская система земельного держания» (стр. 205—232) включает, например, такое подразделение: «Наследственное держание в Спарте без права отчуждения» (*Tenure in fee-tail in Sparta*). Спартиаты, имеющие земельные наделы, называются земельным дворянством—«...the spartan landed gentry». Автор считает также возможным сравнить «в некоторых деталях» положение спартанцев с японскими самураями и рыцарями феодальной эпохи, считая и тех и других кастой, посвятившей себя военным занятиям (стр. 205, 211). Мичелл полагает также, что такая каста неизменно возникает в любое время и в любой стране в случае, когда земельная аристократия успешно осуществляет господство над покоренным или экономически истощенным крестьянством (стр. 35—36).

Объяснение спартанской военной и военно-морской организации (стр. 234—280) весьма недостаточно связано с основными проблемами спартанской истории. Периодизации спартанской истории автор касается лишь в конце книги: для него Спарта в течение всего своего исторического существования не претерпевает глубоких социально-экономических и политических изменений. Весьма кратко прослеживаются судьбы спартанского строя до 146 г. до н. э., и лишь отдельные замечания захватывают первый век нашей эры.

Учитывая очень большую литературу о Спарте и пытаясь дать исчерпывающий очерк ее истории, Мичелл, однако, менее всего использует наиболее важное достижение этой литературы, именно тот более или менее установленный факт, что дошедшая до нас античная традиция о ликурговой Спарте представляет собой разработанную в IV—III в. политико-философскую систему, совершенно искажающую реальный облик исторической Спарты, например работа Олье, хотя он и отмечает роль спартанского строя в развитии политико-философской мысли Греции (стр. 198—204). Грубо искажая взгляды Платона и Аристотеля по вопросам объединения Греции, автор характеризует Спарту как идеальную силу, которая была близка к осуществлению политического объединения Греции на «здоровых» началах, «... и с триумфом Спарты после Пелопоннесской войны казалось, что такая сила найдена» (стр. 202). Хотя автор и высказывается неодобрительно о расистских измышлениях буржуазных историков, например о пордической теории происхождения дорийцев (стр. 232), но и даваемая им оценка исторической роли Спарты характерна для реакционного крыла буржуазных историков. Вообще в книге мы сталкиваемся с прямыми противоречиями: с одной стороны, критика автором Спарты с позиций буржуазно-либерального мировоззрения, с другой—положительная оценка ее, как орудия в борьбе против «крайностей» демократии.

Наиболее рельефно внутренняя противоречивость трактовки автором спартанского строя выступает в центральной проблеме—исследовании социально-экономического ра-

венства спартиатов, которое, как отмечалось уже выше, он частью пытается трактовать с точки зрения экономических категорий феодальной эпохи. Он признает наличие более или менее равных клеров у спартиатов, крайне бегло и неопределенно упоминает о первоначальном разделе дорями Лаконики и о легендарном Ликурге, но затем категорически отрицает существование «когда-либо» имущественного равенства спартиатов. «В Спарте всегда, несомненно, были бедные и богатые, и никогда, ни в какие времена там не существовало равенства в держании земли (and never at any time was there equality in land-holding); например, мы знаем, что цари имели обширные земельные владения» (стр. 207)¹. Концентрация клеров в руках немногих произошла, по мнению Мичелла, в конечном итоге вследствие подкупности эфоров и царей. С другой стороны, спартиаты лишались своих клеров якобы в результате стремления к роскошной жизни, приведшего к закладу клеров не только у богатых спартиатов, но также и у перийков, в руках которых должны были скапливаться большие богатства; «нет сомнения, — пишет автор, — богатые перийки, купцы и земельные спекулянты скупали вакантные клеры через эфоров, которые были заинтересованы только в получении взятки». «По мере того, как вновь разбогатевший купеческий класс захватывал все более и более доминирующее положение над старой земельной аристократией, скупая поместья и одабливая деньги под залог и имея в виду последующее отчуждение, спартанская знать все более безнадежным образом лишалась того, что имела... Мир видел такую же точно борьбу во многие времена и во многих странах». Мичелл подчеркивает, что все это происходило якобы задолго до закона Эпитадея, т. е. во всяком случае в V в. Спрашивается, как возможно совместить подобную картину полного разложения спартанского строя уже в V в. со сведениями, сообщаемыми о Спарте Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Плутархом в его биографиях Лизандра, Агезилая? И как могли в таком случае развиться во второй половине V в. в Афинах лаконофильские политические теории? Но главное даже не в этом, а в том, что Мичелл совершенно обходит основной, им же выдвигаемый вопрос, каким же образом спартанский неотчуждаемый клер мог переходить не только в руки дочерей-наследниц, но и в качестве залога делаться отчуждаемой собственностью; и, что уже совершенно не может быть увязано ни с какими данными источников, — как происходила скупка клеров «богатым купеческим классом».

Мичелл весьма мало использовал тот богатый опыт критики источников, который был накоплен в работах по истории Спарты со второй половины прошлого века, хотя работы эти он, несомненно, знает и на них ссылается. Достаточно сказать, что в книге совершенно не дается специального анализа Плутарховой биографии Ликурга, хотя один раз автор ссылается на ценное исследование Е. Кесслера², которое тогда в данном источниковедческом направлении завершило работу над ликурговой проблемой. Анализ источников биографии Плутарха мог бы предостеречь Мичелла от распространения предвзятых о полном разложении спартанского строя уже на V век. Впрочем, Мичелл не одинок в своем стремлении нивелировать специфику спартанского строя — достаточно назвать имена Белоха и Пельмана. Между тем научное истолкование этой специфики крайне важно для понимания исторического развития рабовладельческого общества вообще.

Эта же тенденция проявляется и в характеристике положения и происхождения перийков, илотов и других «низших». Здесь прежде всего нельзя согласиться с на-

¹ Наличие «обширных земельных владений» у царей выводится Мичеллом, а ранее его Каршtedтом только из следующих слов Ксенофонта в его «Лакедемонской политике» (XV, 3): «[Ликург] предоставил царю право брать себе некоторое количество принесенных в жертву животных, а также предназначил им столько наилучшей земли в перийских городах, чтобы они не нуждались в удовлетворении умеренных потребностей и не выделялись бы богатством».

² E. K e s s l e r, Plutarchs Leben des Lykurgos, QFaG, XXIII., B., 1910.

лучшим, по мнению автора, определением понятия «перийки», данным Ларсеном в соответствующей статье в RE, будто бы годящимся для всех стран и времен рабовладельческого мира. Перийками, по его мнению, назывались подданные греческого государства, жившие в периферийных районах, располагавшие своей местной организацией и самоуправлением, своим местным правом гражданства, но которые всегда находились под господством более крупного государства, которому они обязаны были разного рода повинностями (Мичелл, стр. 64). Под такое определение, лишенное всяких классовых критериев, могут подойти различные политические отношения, например, положение союзников в Афинской морской державе, хотя подобное сближение этих последних со спартанскими перийками вызовет протест у всякого добросовестного исследователя. Вообще положение перийков Мичелл изображает чрезвычайно благоприятным. Опираясь на политико-философскую конструкцию Исократ, он изображает их как потомков тех же дорян-покорителей, которые были предками и спартиатов. Неполноправие перийков возникло якобы вследствие расселения покорителей по Лаконике, где наряду со Спартой возникли их самоуправляющиеся поселения. Невозможность участвовать в спартанской экклесии постепенно лишила обитателей окраинных поселений политических прав; равное со спартиатами участие в военном строю перийки не только сохранили, но позднее, с уменьшением числа спартиатов, стали преобладающим контингентом спартанского войска. «Можно с уверенностью сказать, что их существование было гораздо более сносным, чем спартанцев; во всяком случае они ускользали от той необычайной дисциплины, которая делала жизнь спартанцев такой странной вещью» (стр. 74). С другой стороны (стр. 158—159), комментируя сообщение Исократ о том, что приговоры о наказаниях выносились перийкам без судебного разбирательства, он признает, что суд над ними был целиком в руках эфоров. В этом случае можно думать, что подобный «суд» вряд ли существенно отличался от прямой расправы. На подобное противоречие мы наталкиваемся в книге постоянно.

Невозможно, однако, согласиться с Мичеллом в использовании политико-философской конструкции Исократ как исторического источника для характеристики происхождения и положения перийков, поскольку автор совершенно не замечает олигархического характера взглядов Исократ (*Panathenaios*, 179) на равенство, на что обратил внимание еще Д. Грот. Мичелл вольно пересказывает Исократ и искажает греческий текст, в то время как язык последнего, несомненно, говорит о литературно-публицистическом характере толкуемого текста, особенно в сопоставлении с тем противоречащим Исократу фрагментом Эфора, на который неодобрительно ссылается Мичелл, но который, несомненно, передает историческую традицию.

Сущность вопроса о перийках заключается не в том, доряне они или нет, а в определении их классовой принадлежности и объяснении происхождения и сущности спартанского государства. В этом отношении Мичелл также делает шаг назад в сравнении с лучшими достижениями буржуазной науки. Так, Нисе, а вслед за ним и Карштейдт признавали наличие четкой территориальной раздельности перийков и спартиатов¹. Подобная территориальная разобщенность говорит о примитивности спартанского государства, сохранявшейся как пережиток его происхождения, и одновременно свидетельствует о том, что Спарта не была полисом в полном смысле слова, как это утверждает Мичелл. Это последнее представление прочно укоренилось в исторической литературе, но, на мой взгляд, оно требует пересмотра с позиций марксистского учения о государстве.

Классический полис — это законченная политическая надстройка античного рабовладельческого общества. Между тем мы никак не можем рассматривать эксплуата-

¹ В. N i e s e, Neue Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Lacedämons, в «Nachrichten v. d. Königlichen Gesellsch. d. Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-Hist. Kl., 1906 здесь основывается на фрагменте Эфора, который Мичелл без всякой аргументации отвергает.

цию илотов как развитую рабовладельческую; именно об этом говорит получивший в последнее время признание термин «илотизм», под которым следует понимать консервацию примитивного военнополитического порабощения, происшедшего еще в обстановке разложения родоплеменного строя. Положение илотов Мичелл определяет как «государственных рабов» — *glebae adscripti*; он считает их положение гораздо более благоприятным, чем рабов в других странах, но не пытается осмыслить те своеобразные приемы подавления, о которых сообщают Фукидид, Аристотель, Плутарх; Мичелл склонен сомневаться в достоверности сообщения о регулярном объявлении войны илотам эфорами. Приводимые им *argumenta a silentio* в данном случае особенно неубедительны. Между тем именно в этой черточке ярко сказывается положение массы порабощенной, но не низведенной до рабского состояния. Необходимо также подчеркнуть, чего не делает Мичелл, самый факт неоднократных восстаний илотов, характеризующих напряженность их революционной настроенности, их относительно высокую организованность.

Отсталость Спарты как рабовладельческого общества хорошо констатирована высказываниями политических писателей-демократов V—IV вв.; илотизм был и базой и проявлением этой отсталости. Все это, а также многие другие черты не только не позволяют, вопреки Мичеллу, считать Спарту типичным полисом, но даже заставляют вообще усомниться в возможности обозначения Спарты этим термином.

Мичелл несомненно склонен к идеализации Спарты и стремится поставить Спарту в смысле политического и государственного устройства выше Афин. Это его намерение особенно ярко проявляется в главах, посвященных спартанской «конституции». Так, он считает, что все античные авторы сходятся в похвале спартанской «конституции». Неужели Мичелл в самом деле никогда не задумывался хотя бы над речами Перикла, где сформулирована политическая идеология рабовладельческой демократии и содержится критика спартанского строя? Вместе с тем подобный метод исследования отражает состояние современной буржуазной историографии в изучении проблем политической идеологии античной Греции, когда изучается почти исключительно идеология олигархическая, главным образом в лице Платона и Аристотеля, и совершенно замалчивается идеология демократическая. Даже в тех немногих работах, в которых авторы пытались бегло останавливаться на политической идеологии древнегреческой демократии (А. Хуг, В. Нестле, Ф. Дюмлер, А. Менцель, Саломон и некоторые другие), политическое мировоззрение демократов перепутано с олигархическим. Специфика демократической идеологии осталась незамеченной и в этих работах.

Любопытно, что Мичелл и от своего лица хвалит спартанскую «конституцию»: «По отношению к современному политическому опыту конституционная система Спарты была превосходна и избегала многих недостатков и опасностей крайней формы демократии, которую мы находим в Афинах и в демократиях наших дней... И если в этой конституции было нечто жестокое, то это зависело от доблестей народа, которым она управляла» (стр. 97). Из приведенного места весьма прозрачно выступает и политическая направленность книги Мичелла.

Между тем для понимания специфики спартанского строя, в условиях крайней скудности и тенденциозности преобладающих олигархических источников, чрезвычайно важно выяснить данные и оценку спартанского строя в политической литературе рабовладельческой демократии. Но такая задача до сих пор не была даже поставлена в буржуазной науке.

В ряде разделов обширной главы о спартанской «конституции» автор дает детальное рассмотрение и основных ее черт, и отдельных частных, стремясь найти некую стройную и разработанную политическую систему. Так, он ставит вопрос о «правительстве», которое он считает даже возможным квалифицировать как «бюрократическое» (стр. 95), а характер власти — как «ограниченную диархию». При этом спартанские архагеты сопоставляются с гомеровскими басилевсами и подчеркивается сакральный характер их власти. Однако сам Мичелл с известным недоумением вспоминает о далеких от «священной неприкосновенности» поступках спартанцев по отношению к своим царям (стр. 109). Характеризуя царскую власть в Спарте, автор с одинаковым доверием

использует как Геродота, так и Плутарха, не анализируя даваемых античными авторами сведений с точки зрения развития традиции спартанской истории, в результате чего, например, рассказ Плутарха об абсолютности царской власти в случае согласных действий обоих царей (Плутарх, Агис, XII) Мичелл принимает как достоверное сведение (стр. 111—113). Между тем здесь мы имеем дело с отзвуком теоретико-политической борьбы среди лаконофилов.

В книге не прослежена эволюция царской власти в Спарте, хотя в литературе такая характеристика, правда разноречиво, но давалась. Карштедт, например, усматривал в древнейшей Спарте сильную, почти не ограниченную царскую власть, которая в дальнейшем слабела, уступая власти эфоров, ставшей с VI в. всемогущей. Отдельные замечания у Мичелла позволяют думать, что он стоит на такой же точке зрения. Однако вряд ли с этим можно согласиться; власть полулегендарных спартанских архонтов VIII—VI вв., столь похожих, по словам самого Мичелла, на гомеровских *басилевсов*, являлась реальной только во время походов. Тенденциозно и антиисторически толкуя взгляды Аристотеля, Мичелл рассматривает эфоров как представителей «демократического начала» в спартанской «конституции». Это утверждение так же противоречиво, как и остальные оценки спартанского строя, даваемые Мичеллом, в то время как эфорат и другие учреждения спартанского государства можно изучать только в связи с его происхождением и особенностями классовой природы. Пытаясь доказать введение эфората как результат действия царской власти, Мичелл грубо искажает античную историческую традицию о Спарте.

Все остальные государственные учреждения Спарты трактуются в книге как близкие к общегреческим, главным образом, к афинским. При этом автор склонен приписывать этим учреждениям некоторые черты, ставившие их в известном смысле выше афинских. Для придания спартанскому строю конституционной стройности Мичелл прибегает к грубой модернизации. Герусия и экклесия рассматриваются как две палаты (*houses*), нижняя — экклесия и верхняя — герусия, называемая им «сенатом». Эти «палаты» якобы были связаны прочным конституционным режимом. Автор решительно отвергает достоверно переданное Геродотом и общепринятое название сходки спартиатов «апелла».

Таковыми же приемами отличается и характеристика судебной организации спартиатов. Эта сторона спартанского политического строя совершенно не исследована даже в тех узких пределах, в каких позволяют наиболее доступные источники. Исследование Мичелла также сводится к описанию нескольких общеизвестных в среде эллинистов политических выступлений, кончившихся расправой с побежденной стороной, и каждый такой случай рассматривается автором в качестве «судебного установления» (*court*). Правда, Мичелл упоминает о том, что герусия ведала уголовной юстицией, а эфоры — гражданской, но именно только упоминает, тогда как это кардинальный вопрос, требующий изучения.

В одной лишь фразе затрагивается одна из основных проблем — о «неписаном законе» в Спарте, которому, как известно, посвящена большая литература. Притом отсутствие писаных законов в Спарте плохо увязывается с постулируемой Мичеллом стройностью ее «конституционной системы».

Весьма подробно исследовано автором спартанское воспитание — «спартанская дисциплина». Мичелл высоко оценивает эту идеализированную античными олигархами систему государственного воспитания, считает ее связанной с расцветом творческих сил спартацев не только в военном деле, но также в музыке, танце, играх, атлетике. Ряд моментов в этой системе воспитания, неблагоприятных с точки зрения буржуазного сознания автора, Мичелл устраняет, вопреки сведениям Ксенофонта.

Мичелл совершенно не затрагивает проблемы своеобразного обобществления собственности в Спарте, которая занимала видное место в публицистической литературе античности.

Главы об организации войска и флота содержат большой фактический материал, который трактуется, однако, изолированно от основных черт спартанского строя. Поэтому сисситии рассматриваются только как военное учреждение, роль и значение

флота — как величина постоянная, вне общего исторического развития Спарты. Наконец, один из важнейших вопросов — о причинах преобладания перпойков в рядах спартанских гоплитов даже и не ставится автором. В таком случае возникает недоумение, как могли перпойки сражаться бок о бок со спартиатами, а не отдельными частями, что подчеркивается Мичеллом, не проходя спартанского военного воспитания?

По вопросу об исторической реальности знаменитых «ликурговых» железных денег Мичелл решительно высказывается отрицательно. Сам автор указывает на находки своеобразных железных слитков при раскопках Спарты английскими археологами и возможность внешнего обмена, при котором спартанское железо могло служить «валютой». Но он считает достоверным сообщение Полибия о том, что зерно являлось для спартанцев основным средством обмена, хотя в другом месте книги Мичелл говорит о крайней дефицитности зерна в Спарте. В таком случае позволительно спросить автора, как совместить оба эти утверждения?

Книга заканчивается кратким очерком реформ Агиса, Клеомена и Набиса, который почти лишен исследовательского интереса: Мичелл ограничивается поверхностным пересказом Плутарха.

Данная рецензия весьма далека от того, чтобы исчерпать все возражения, которые можно сделать автору: для этого пришлось бы написать книгу о Спарте. Можно добавить в виде итога, что рассмотренная последняя работа по истории Спарты, вышедшая из-под пера известного английского историка, со всей очевидностью демонстрирует методологическую убогость современной буржуазной исторической науки: книга Мичелла ни в какой мере не является подступом к разрешению важнейших проблем спартанской истории. В рецензируемой книге современная буржуазная наука делает шаг назад.

А. Бергер

THE WILBOUR PAPYRUS. Ed. by Alan H. Gardiner, m. I: Plates, 1941; m. II: Commentary, 1948; m. III: Translation, 1948, m. IV: Index by R. O. Faulkner, Oxford, 1952.*

Папирус Вильбур А и Б представляет исключительный интерес для историка, так как содержит огромное количество новых данных по экономике, социальным отношениям, географии, культам местных богов и т. д. Египта рамессидского времени. Большинство этих вопросов издатель касается в своих очень ценных комментариях, хотя, считая себя филологом, он сознательно отказывается от решения исторических

* Папирус был приобретен в 1934 г. Бруклинским музеем (США) на средства, составляющие фонд памяти американского египтолога Вильбура — отсюда и название папируса. По своим размерам (его длина 10 м 33 см, высота 42 см) он значительно уступает Большому папирусу Гарриса, длина которого около 45 м, или медицинскому папирусу Эберса, длиной около 20 м, но по количеству написанного на нем текста это самая большая из известных ныне древнеегипетских рукописей. Папирус содержит два текста. Первый, получивший название А, покрывает всю лицевую сторону и продолжается на оборотной, имея в нынешнем своем виде 102 столбца текста, и второй — Вильбур Б состоит из 25 столбцов, расположенных также на оборотной стороне свитка. Почерк папируса очень мелок, изобилует большим числом лигатурных написаний и исключительно труден для чтения: только мастерство издателя позволило ему успешно расшифровать надпись и дать надежную ее транскрипцию. Издание состоит из четырех томов. Первый том содержит фототипное воспроизведение всей рукописи в натуральную величину и ее пероглифическую транскрипцию, второй — комментарии к тексту, третий — перевод, выполненный по указаниям Гардинера Фолкнером, четвертый том содержит указатель, составленный тем же Фолкнером.

и социально-экономических вопросов, возникающих в связи с чтением и толкованием текстов папируса.

Что же представляют собой эти папирусы?

Папирус Вильбур А дошел до нас без начала и без конца, записанный руками двух писцов¹. В своем нынешнем виде он распадается на четыре части², каждая из которых представляет запись измерения земель в определенном районе центрального Египта. Все записи вместе охватывают территорию протяженностью около 140 км, примерно от Крокодилополя (в районе Фаюма) до Тинписа, т. е. те районы, где в рамессидские времена были расположены XXII, XX и XVII номы Верхнего Египта. Все измеренные в этом документе земли лежали на левом берегу Нила.

Измерения земель были произведены одними и теми же царскими чиновниками во втором месяце ахет 4-го года Рамсеса V³. В пределах каждого раздела измерения земель сгруппированы не в их топографической последовательности, а по владениям⁴. Подавляющее большинство поместий, упомянутых в документе, — это храмовые владения; светские же, являющиеся по сути дела царскими, занимают в нем очень незначительное место. Храмовые владения названы в определенном порядке: сначала идут земли фиванских храмов, затем гелиополитанских и мемфисских, после которых упомянуты поместья местных храмов, расположенные в их географической последовательности — с севера на юг⁵. В конце каждой из четырех частей перечисляются поместья царских гаремов и пристаней, а также владения из царских земель минт и хата.

То обстоятельство, что в рукописи перечисляется, помимо храмовых поместий, только царская земля, а общинные и частные не упоминаются вовсе, объясняется тем, что в этом папирусе содержится опись не всех земель данного района Египта, а только некоторых определенных категорий: остальные земли, по еще неясным для нас причинам, числились в других документах. То, что такое предположение соответствует действительности, подтверждает § 172 этого текста, в котором сообщается, что описываемое здесь поместье жены Рамсеса V числилось прежде «в 17-й книге» (64,39).

Описи земель, даже принадлежащих одному и тому же землевладельческому учреж-

¹ Второму писцу принадлежат строки 68,29 — 68,45 ; 72,31 — 74,37 и с 95,45 до конца текста; первому писцу принадлежат все остальные строки этого документа.

² Начало первой и конец последней части текста отсутствуют.

³ Считая 4-й год Рамсеса V соответствующим 1158 г. до н. э. Я. Черный (см. Гардинер, т. II, стр. 10) устанавливает, что 15-е число 8-го месяца ахет соответствует 23 июля по нашему календарю. Следовательно, установление обложения производилось в период разлива Нила, т. е. до посева. Такое время для производства обложения представляется странным и противоречащим известным сценам, изображающим измерения полей с созревшим урожаем, почему Гардинер приглашает других ученых разобраться в этом вопросе. Это делает в своей рецензии на гардинерское издание папируса Вильбур Х. Фэрман (JEA, 1953, т. 39, стр. 118 сл.). Он полагает, что время производства обмеров земли для целей налогового обложения может быть удовлетворительно объяснено лишь при предположении, что речь идет только о землях, использованных под второй, зимний посев зерновых. Поэтому он считает, что оба папируса Вильбур касаются только земель, использованных под второй посев. Это, считает Фэрман, объясняет, почему в папирусе указана только небольшая часть пахотной земли, фактически имевшейся в тех номах, которые объезжали налоговые чиновники, составившие папирус Вильбур. Как мне кажется, гипотеза Фэрмана не может быть принята, так как зимний посев требует обязательного искусственного орошения, тогда как в тексте не раз говорится о налоговом обложении естественно орошаемых земель.

⁴ Выражение «владение» и здесь и ниже я употребляю очень условно, так как характер держания тех земель, о которых идет речь в папирусе, требует для своего выяснения специального исследования.

⁵ Примечательно, что ту же последовательность перечисления владений храмов дает большой папирус Гаррис.